

В ЯНВАРЕ ЭТОГО ГОДА «НОВОМУ ВЕНСКОМУ ЖУРНАЛУ» ИСПОЛНИЛОСЬ **28 ЛЕТ**. К СОЖАЛЕНИЮ, **ИРИНА НИКОЛАЕВНА МУЧКИНА**, КОТОРАЯ ПРИДУМАЛА И ДО НЕДАВНИХ ПОР ИЗДАВАЛА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В АВСТРИИ, НЕДАВНО НАС ПОКИНУЛА. НАД ПЕРВЫМИ НОМЕРАМИ ОНА РАБОТАЛА ВМЕСТЕ С ХУДОЖНИЦЕЙ И ДИЗАЙНЕРОМ **АЛЛОЙ ДЕНИСОВОЙ**. АЛЛА ОТВЕЧАЛА ЗА КРАСОТУ В ЖУРНАЛЕ – РАЗРАБОТАЛА ЕГО ПЕРВЫЙ МАКЕТ, СОЗДАЛА ЕГО «ЛИЦО», ПО КОТОРОМУ «НВЖ» ЛЕГКО УЗНАВАЛИ РУССКОГОВОРЯЩИЕ ЖИТЕЛИ АВСТРИИ.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С АЛЛОЙ В ЕЕ УЮТНОЙ КВАРТИРЕ НЕПОДАЛЕКУ ОТ ГОРОДСКОГО ПАРКА И ПОГОВОРИЛИ О ТОМ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ, О ЕЕ ЖИВОМ ПЕРЕДВИЖНОМ МУЗЕЕ РУССКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА, НОВЫХ ПРОЕКТАХ И ДАЖЕ ПОБЫВАЛИ В СВЯТАЯ СВЯТЫХ ЛЮБОГО МАСТЕРА – В ЕЕ АТЕЛЬЕ.

Фотом: © Yulia Knecht

«ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ»

– Алла, расскажите, как родилась идея выпуска в Австрии журнала на русском языке?

– Эта идея родилась у Ирины Николаевны Мучкиной. Она пришла ко мне в галерею и предложила издавать журнал. Я согласилась. Вообще, это огромное счастье в жизни художника – сделать макет журнала или любого печатного издания. Это невероятная удача, и подобные шансы выпадают редко. Ранее я никогда не создавала макеты журналов, занималась только их оформлением. Работала, в частности, в журнале «Знание – сила» – это было очень известное российское издание, а еще оформляла книги в разных издательствах и уже тогда состояла в Творческом союзе художников России, в секции графики. Я с радостью придумала дизайн первого номера, и получился красивый, цветной журнал.

– Как долго вы готовили первый номер?

– Все получилось невероятно быстро. Мы делали его буквально на коленках – то у меня, то у Ирины Николаевны дома, между приготовлением еды и кормлением детей и мужей. А потом я шла к себе в галерею, поднималась на антресоль, к компьютеру, и работала над макетом. Я старалась сделать журнал таким образом, чтобы он был достаточно легкий в верстке, и придумала много разных вариантов.

Первый номер мы подготовили буквально за один месяц. Однако были и сложности, потому что у меня сторел компьютер – просто полыхнул огнем. И Ирина Николаевна отправила меня в Москву, в издательство журнала «Вояж». Там я за чужим компьютером верстала наш журнал.

Изначально мы планировали назвать его «Венский журнал»,

Фотом: © Anna Komisarova

▲ К нашему приходу Алла Денисова подготовила первый номер «НВЖ»

но потом знакомый художник сказал, что так называется печатное издание одной австрийской партии. Тогда мой супруг предложил название «Новый Венский журнал».

– **А кто готовил материалы?**

– В основном Ирина Николаевна. Она подбирала фотографии и тексты. Журнал был тогда совсем тоненьким – 24 полосы и изначально задумывался как информационно-просветительский. Например, мы рассказывали, какие существуют билеты на венский общественный транспорт, как местные размеры одежды перевести на наши, где в австрийской столице находятся стоянки такси.

– **На тот момент в других зарубежных странах ничего подобного на русском языке практически не выпускалось. «НВЖ» был не только интересен тем, что рассказывал об истории, культуре, архитектуре, знаменитостях Австрии, но и давал много практических советов и сразу же стал крайне востребованным у читателей.**

– Да, это так. Во-первых, на мой взгляд, это был самый красивый журнал в мире, который выпускался для русскоговорящих, проживающих за границей. А во-вторых, он на самом деле был полезен. Не надо забывать, что русские и русскоговорящие живут не только в Вене или ее окрестностях, но и в австрийских деревнях. Однажды я с показом костюмов оказалась в Форарльберге. После мероприятия меня пригласили в гости в деревню, которая находится на границе со Швейцарией. Там, высоко в горах, бродили коровы, свинки, овцы, курочки. Я попала в старый-старый австрийский дом, возраст которого насчитывал 300 лет. Он был с очень низ-

кими потолками и маленькими окошечками – для сохранения тепла. Когда я вошла в комнату, то увидела на столе толстую стопку номеров «Нового Венского журнала». Оказалось, что русскоязычная хозяйка, Любаша, их выписывает. Она поделилась, что для нее это единственный луч света, что она перечитывает статьи и пересматривает иллюстрации – и таким образом ощущает, что она не одна в другой стране, на высоте более двух с половиной тысяч метров. Было очень приятно это слышать, и такие отзывы я получала нередко – особенно от тех женщин, которые живут в провинции и не имеют возможности часто бывать в Вене.

– **Помните свои ощущения, когда первый номер вышел из печати?**

– Это было потрясающее, невероятно трепетное ощущение, когда вдруг видишь живую и можешь поддержать в руках какую-то вещь, которую ты делал на компьютере и лицезрел только на экране. Мой преподаватель по архитектурному проектированию в МАРХИ всегда говорил нам, студентам, как раз об этом: «Ребята, помните, что вы что-то нарисуете карандашиком, а строители эту балку потом потащат и положат». И у меня до сих пор остался этот трепет – когда из картинке получается какая-то реальная вещь, которую можно поддержать в руках и которая к тому же полезна.

– **Как вы выбрали творческую профессию? У вас в семье были художники?**

– Нет. Я выросла в семье дипломатов и строителей. Когда мы вернулись в Москву из Нью-Йорка, где папа работал в ООН, родители говорили, что у меня хороший английский язык и нужно развиваться в этом направлении. Одна-

ко я не считала, что английский – это профессия, но не знала, какое направление выбрать – технику или искусство. Потом в студии одного художника я узнала, что в МАРХИ изучают и технические дисциплины, и искусство. Баланс между этими дисциплинами мне очень понравился, поэтому, пройдя большой конкурс и успешно сдав шесть вступительных экзаменов, я поступила туда и закончила факультет жилищно-общественного строительства.

– **Вы что-то строили?**

– Да, я работала 10 лет архитектором. У меня 27 объектов в Москве. Я проектировала, вела авторский надзор.

– **А сейчас, когда бываете в Москве и ходите мимо этих зданий, какие ощущения у вас возникают?**

– Ощущения довольно интересные. Однажды я занималась реконструкцией одного дома в Подкопаевском переулке. Это было старое здание, но надстроенное. Позже я как-то сидела в гостях у приятелей, и один молодой человек с восторгом рассказывал о том, в какой чудесной квартире он живет. В процессе разговора он назвал именно этот адрес. Это так приятно, когда то, что ты делаешь, полезно другим. Вот как журнал!

– **Как вы относитесь к тому, что число старинных зданий в Вене постепенно сокращается, а на их место приходят новые современные постройки? Вам нравится, как меняется облик города?**

– В Москве этот процесс идет гораздо интенсивнее, чем в Вене. Но город должен развиваться. Если бы этого не происходило, то мы до сих пор жили бы в одноили двухэтажных домиках. Тут важно понять, насколько меняется ландшафт города. Например, в центре Вены нельзя возводить

постройки выше Штефансдома, и это правильно. Потому что в противном случае не будет виден символ столицы. Чтобы сохранить образ города, нужно подходить к этому вопросу разумно: что-то, что пришло в негодность или стало ветхим, конечно, требуется сносить, но что-то нужно и восстанавливать, тратя на это много средств.

У меня была выставка «Новые крыши Вены» – про нее, кстати, писал «НВЖ». Тогда только начался бум на строительство мансард – *Dachgeschoss*. Я фотографировала мансарды, а потом выставила эти фотографии в Доме архитектора в Москве и в Доме музыки в Калуге. И реакция публики была очень неоднозначной: кто-то говорил, что это «буржуазный капиталистический опыт», другие обращали внимание на технические трудности при постройке. Кстати, в Австрии при надстройке мансард не укрепляют все здание, а применяют легкие конструкции, поэтому летом в таких квартирах очень жарко, но зато вид – *Million-Dollar-View*. Многие готовы за это заплатить.

– **Вы воссоздаете русские народные костюмы из разных регионов России. Как вы пришли к этому?**

– Однажды, когда мой муж работал в ООН, нас пригласили на вечеринку, которую устраивала эта организация. В приглашении был указан дресс-код: либо длинное вечернее платье, либо народный костюм. Второй вариант меня озадачил – какой народный костюм? В итоге я ничего не придумала и пошла в платье. И увидела там потрясающую картину: индианок в сари из великолепной органзы, вышитой золотом, японок в гэта

фото: © Yulia Krach

▲ ▼ В мастерской Аллы Денисовой

и красивейших кимоно с поясами оби, африканок с яркими бантами на головах. Это была такая красота! А что же мы?!

Я поехала в Москву и нашла там книжку Исторического музея с русскими народными костюмами. Мои подруги, которые работали искусствоведками в столичных музеях, отвели меня в запасники. Там я увидела невероятную красоту, вкус и элегантность – роскошные ткани, жемчуг, меха. Все элементы костюма сочетались между собой и смотрелись очень гармонично.

Я вернулась в Вену и решила сшить себе русский народный костюм. В центре города зашла в магазинчик, где продают ткани для мебели, и нашла там подходящий материал. А рядом была совсем крошечная лавочка, где я купила золотую тесьму. И сшила себе сарафан, кокошник, рубаху. Почти все шила руками, выкроек у меня никаких не было – все модели пришлось конструировать самой.

Потом в готовом архангельском костюме я пошла на прием в российское посольство и там произвела фурор. А наш посол, Владимир Михайлович Гринин, увидев меня, сказал, что именно так и нужно всем одеваться.

– **Сколько вы работали над этим костюмом?**

– Примерно полгода.

– **Сколько всего русских народных костюмов вы воссоздали?**

– Семнадцать. Все они повторяют самые красивые музейные экспонаты из Исторического музея в Москве, Этнографического музея в Санкт-Петербурге, музеев Калуги, Рязани и других городов России. Некоторые я доделываю, переделываю, потому что нахожу правильные материалы. Третий костюм, который я сшила, тульский, был изначально выполнен с имитацией поневной ткани. А потом я нашла настоящую домотканую поневную ткань и переделала его.

– **Такие костюмы наверняка много весят.**

– Очень много. Например, рязанская кичка с рогами весит почти килограмм – и это в моем облегченном, современном варианте. Раньше делали вставки из бересты или пришивали льняные мешочки, набитые куделью, бисер тоже очень много весит – в сумме выходит до пяти

килограммов. В таких костюмах особенно не попляшешь.

– Из каких элементов состоят костюмы?

– Костюмы сами по себе очень разные. Северные костюмы кардинально отличаются от южных. Южный костюм более древний. Он состоит из рубахи, юбки-понёвы, фартука-запона или наверхника, головного убора и множества украшений. А северные костюмы – это сарафаны с разными вариантами: с душегреями, шугаями, фартуками и кокошниками – в каждой губернии был свой кокошник. А в Москве носили и понёвы, и сарафаны. По костюму можно было определить, откуда женщина, узнать ее статус, семейное положение.

– Изучая историю костюма, вы разбирали, что значит каждый узор?

– Да.

– На ваших костюмах вы выполнили узоры под себя?

– Нет. Я старалась сделать точные копии костюмов, чтобы они были как можно ближе к оригиналу. Хотела показать не придуманный мною дизайн, а то, как они выглядели на самом деле. И это было как раз самым интересным. Во время показов меня часто спрашивали: «Это все вы придумали?» А когда узнавали, что это настоящие костюмы, недоумевали, почему у нас их не носят и нигде не показывают. Иностранцы знают Кандинского, Малевича, Чайковского, Рахманинова, но не знают, что у нас есть и такой пласт культуры.

– Тем не менее вы познакомились с Карденом. Как это произошло?

– Один знакомый показал мои костюмы Пьеру Кардену, а тот за-

хотел их увидеть вживую и пригласил меня на свое девяностолетие в Париж. Чтобы порадовать месье Кардена, мой приятель предложил устроить конкурс красавиц в русских костюмах. Накануне показа девочки-модели пришли на примерку в мой номер в гостинице. Я распределила между ними наряды. Одной модели достался тамбовский костюм, и вдруг она разрыдалась: «Как вы узнали, что я из Тамбова?» Видимо, этот костюм помог своей землячке на показе – Карден присвоил ей звание первой

▲ В гостях у Аллы Денисовой мы примерили головной убор тульской молодухи и вологодский «сборник»

красавицы. А сам тамбовский костюм очень понравился Кардену. В его музее в Париже хранится много разных нарядов, но русский костюм один – мой.

– В Австрии носят национальную одежду по любому поводу: на праздники, на работу, на прогулки. Почему в нашей культуре нет такой традиции?

– К сожалению, у нас другая история. Было время, когда запрещали и методично уничтожали народные костюмы. Сейчас интерес к ним стал возрождаться, но появляется очень много китча. Я считаю, что правильные праздничные русские костюмы – очень

тяжелые, неповоротливые, жаркие – следует носить только по какому-то особенному случаю.

На каждый день нужен облегченный вариант. На моем сайте (www.alla-denissova.com) представлена созданная мною современная коллекция русского костюма. Там есть модели разной степени нарядности – ситцевые костюмы с простыми рубахами и более дорогие наряды из шелка или бархата.

– У вас кто-то заказывает народные костюмы?

– Да. Заказывают современные сарафаны. Также у меня есть детская коллекция – и для девочек, и для мальчиков. Мальчики очень быстро вырастают из рубашек, поэтому их часто передают от старшего брата к младшему.

– Какой из тех костюмов, которые вы шили, был самым сложным?

– Наверное, это торопецкий женский праздничный костюм. Я долго не могла сообразить, как сделать кокошник-шишак. Когда я начинала более 30 лет назад, не было интернета. Все пришлось придумывать самой.

– Получается, что вы – первопроходец в этой области.

– Наверное, да, первопроходец. Сейчас уже много и частных музеев, и костюмы шьют правильные, и технологии старинные возрождают. Это меня очень радует. Кстати, недавно смотрела видео на YouTube о том, почему древние славяне не ели коров, и вдруг увидела свой костюм с рогатой кичкой. И в Pintereste много моих работ.

– А чем вы сейчас занимаетесь? Шьете новые костюмы?

– У меня есть один недоделанный костюм, крайне инте-

Фотом © Юлия Креч

▲ Анна Комиссарова в головном уборе тульской молодухи и Алла Денисова с коллекцией *Philosophy of ethno elegance*

ресный, который я очень хочу завершить – тверской. Но пока мотивации нет – сейчас очень мало больших показов. Раньше часто проводились балы, посольские приемы, открытия выставок, где я принимала участие со своим Живым музеем русского народного костюма.

– **А почему музей называется живым?**

– Потому что все эти костюмы можно надеть и носить. Они шиты на размер современного человека. Рост моей бабушки составлял 150 см; если бы я надела ее рубаху и юбку – на 20 см короче, – то вся гармония была бы нарушена.

– **Будучи творческим человеком, вы же не можете сидеть без дела?**

– Верно. В начале 2019 года я стала думать, как мне объединить знания о русских и мировых костюмах, об украшениях и символах и сделать на основе этого что-то современное. Так родился проект *Philosophy of ethno elegance*. Я стала делать украшения-трансформеры с обережной символикой. Причем я выбираю такие обереги, кото-

рые понятны не только в России. Узлы, руны и символы есть во многих древних культурах.

– **Из какого материала вы их делаете?**

– Из бисера. В пандемию, когда все магазины были закрыты, я использовала тот бисер, который у меня лежал для костюмов.

– **Расскажите про символы на украшениях.**

– Обычно я делаю так, чтобы они не бросались в глаза окружающим. Владелица украшения знает, какой символ на нем изображен, и фокусирует на этом свое внимание. Например, символ «засеянное поле» означает, что поле засеяно, скоро на нем взойдут ростки – будут и здоровье, и проекты, и благосостояние.

– **Какой прекрасный знак!**

– Да. Причем этот символ есть во многих культурах – и в Китае, и в Японии, но только называется по-другому. Например, в Японии это рисовое поле. Есть маленькие и большие узлы. В России они назывались наузами, также узелки завязывают и китайцы, и индейцы. Я объединяю в своих работах разные культуры.

– **Ваша дочь или внуки занимаются творчеством?**

– Внучка Дашенька пока маленькая – ей шесть лет. Она любит наряжаться, когда бывает в моей мастерской. Дочь занимается в основном воспитанием Даши, а также делает красивые сумки и подушки в технике *петчворк*. Она придумала особую технологию, благодаря которой подушкам не страшны даже активные дети. А внук Миша, которому исполнилось 23 года, учится в *Games Academy*. Мечтает делать красивые развивающие игры. Интересуется музыкой, рисует.

– **В Вене у вас есть любимые места, где вы гуляете и черпаете вдохновение? У вас в шаговой доступности Городской парк...**

– Я очень люблю этот парк. И благодарна, что рядом есть такой уголок природы – с утками и гусями. А с вдохновением у меня никаких проблем нет. Давно представляю себе такой образ: у меня на голове стоит ведро, и туда падают идеи, а я только должна успевать их записывать. Иногда записываю, но не воплощаю. Через какое-то время собираюсь записать новые идеи, читаю старые записи и вдруг встречаю среди них те же мысли. Значит, надо делать. Если идея два раза упала в «ведро», нужно ее реализовывать.

Когда работаю, стараюсь отключать «мыслемешалку», не думать о бытовых вопросах. Тогда все получается само собой – и идеи прилетают, и бисеринки сами становятся на свои места.

– **То есть искусство не должно рождаться в муках?**

– Да. Чем легче – тем лучше. В творчестве все должно быть легко, весело и радостно.

В гостях у Аллы Денисовой побывали Анна Комиссарова и Юлия Креч